

ставители феминистской критики. Консервативные авторы, напротив, были рады найти в ней поддержку естественности таких феноменов, как семья, собственность, стремление к материальному вознаграждению. Биологический взгляд, объяснявший происхождение этих ценностей природной эволюцией, был для них весьма привлекательным. Те же, кто стоял на левых политических позициях, видели в социобиологии отрицание социально-исторического характера человеческих ценностей, деятельности и институтов. Социобиология и биополитика (наука, изучающая формы политического мышления и поведения на основе биологической мотивации как отдельных индивидуумов, так и целых сообществ), тем временем, выделились в самостоятельные дисциплины.

Примечания

- ¹ См.: Эспинас А. Социальная жизнь животных. СПб., 1898.
- ² См.: Кули Ч.Х. Человеческая природа и социальный порядок. М., 2000.
- ³ Лоренц К. Агрессия (так называемое «зло»). М., 1994. С.8–9.
- ⁴ См.: Лоренц К. Указ. соч.
- ⁵ См.: Бэррон Р., Ричардсон Д. Агрессия. СПб., 1997.

УДК 1 (091)

О ДУХОВНО-ЭСТЕТИЧЕСКОМ ОБРАЗЕ СТАРОСТИ

Н.А. Рыбакова

Псковский государственный педагогический университет
E-mail: factiusenator@gmail.com

В статье анализируются представления итальянского гуманиста Ф. Петрарки и скульптора и художника эпохи Возрождения Микеланджело о старости. Утверждается, что в эту эпоху складывается новый образ старости, который не нашел своего продолжения в последующие эпохи. Вместе с тем итальянские мыслители выдвинули относительно возраста старости целый ряд идей, которые оказываются актуальными и в нашу эпоху. Среди них – идея продуктивной и творческой жизни человека до глубокой старости.

Ключевые слова: образ старости, жажда славы, личная заслуга, творческая старость, этапы старения.

About Spiritually-Aesthetic Appearance of Old Age

N.A. Rybakova

In the article the pictures of the Italian humanist F. Petrarka and sculptor and artist of Renaissance age Mikelandzhelo are analysed of old age. It becomes firmly established that in this epoch there is new

⁶ См. подробнее: Поршнев Б.Ф. О начале человеческой истории (Проблемы палеопсихологии). М., 1974.

⁷ См.: Назаретян А. Архетип восставшего покойника как фактор социальной самоорганизации. Экзистенциальный кризис антропогенеза в свете гипотезы техногуманитарного баланса // Русский журнал. 2002. 15 авг.

⁸ Цит. по: Neimark J. Wilson is on top of the world // Psychology Today. 1998. Vol.31, iss.5. September–October. P.50.

⁹ Wilson E.O. On Human Nature. Cambridge. Mass., 1978. P.80–96.

¹⁰ Рьюз М. Философия биологии. М., 1977. С.302.

¹¹ Рьюз М. Указ. соч. С.4–6.

¹² См.: Никольский С.А. Социобиология – биосоциология человека? // Буржуазная философская антропология XX века. М., 1986. С.176–187.

¹³ Alexander R. The Biology of Moral Systems. N.Y., 1987. P.35.

¹⁴ Карпинская Р.С., Никольский С.А. Социобиология: критический анализ. М., 1988. С.77.

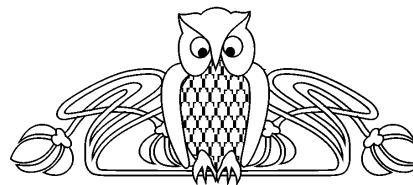
¹⁵ Hamilton W.D. The genetical theory of social biology // J. Theor. Biol. 1964. Vol.7, №1. P.1–16.

¹⁶ Эфроимсон В.П. Родословная альтруизма // Новый мир. 1961. №10. С.193–214.

¹⁷ Wheeler W.M. The social insects: their origin and evolution. N.Y., 1928.

¹⁸ См.: Бутовская М.Л. Эволюция человека и его социальной структуры // Природа. 1998. №9.

¹⁹ Clark S.R.L. The Nature of the Beast: Are Animals Moral? Oxford, 1982. P.98–99.

appearance of old age, which did not find the continuation in subsequent epochs. At the same time the Italian thinkers pulled out in relation to age of old age a number of ideas which appear actual and in our epoch. Among them is an idea of productive and creative life of man to extreme old age.

Key words: appearance of old age, hunger for a fame, personal merit, creative old age, stages of senescence.

Эпоха Возрождения оказалась наследницей двух культур: средневековой и античной. Восприняв идею единого Бога, эпоха Возрождения боялась ослушаться все еще авторитетного Слова и в то же время искала свидетельств достоверности присутствия Творца в здешней жизни. В эту эпоху произошла конвергенция античного принципа

тела и средневекового принципа личности. Человечество предстало здесь одновременно в качестве природного и социального феномена. Христианская идея служения трансформировалась в идею личных заслуг человека. Пантеизм привел к антропоцентрической парадигме, где на смену вере в Бога пришли вера в собственные силы, гордость, стремление к славе. Разгорается тщеславие, в том числе и возрастное, старческое. Здешний мир становится главным объектом внимания. Человек испытываемый, каким он был в Средние века, превращается в испытателя. Старость становится мудрейшим учителем земного человека. Средневековые старцы строго держались правила «хранения ума», но оно Возрождением было отвергнуто, и человек в определении своей сущности оказался в новой ситуации: «Ум, смешанный с чувственностью и фантазией, вращаясь, вырабатывает различные мысли, диалогизирует, анализирует и силлогизирует, множественно, страстно и заблуждаясь»¹. Подменив искание Слова как Христа внешним словом разума, человек эпохи Возрождения десакрализирует вещи и понятия, обмирщвляет смысл старости. В «земном граде» эпохи Возрождения человек проходит путь от самоутверждения в молодости до самоотрицания в старости.

Большинство философов этой эпохи видело сущность человека в способности к творчеству. Жизнь человека осуществляется в деятельности, в ней заключено и достоинство, и ничтожество человека. Истинные ценности не видны на поверхности жизни, открываются разуму как сокровенная тайна в самом течении жизни, о чем свидетельствуют размышления выдающихся мыслителей эпохи Возрождения Петрарки и Микеланджело. Первый снискал себе всемирную славу как выдающийся поэт, тяготеющий на склоне лет к философии, второй – гениальный художник, создавший старческую лирику, явивший уникальный опыт художественно-поэтического видения этого возраста жизни.

Петрарке принадлежит цикл писем под названием «Старческие письма», однако основные мысли о старости сосредоточены в произведениях «Моя тайна», «Книга писем о делах повседневных», «Сочинения философ-

ские и полемические». Он не создал целостной философии старости и даже не был оригинальным мыслителем, ценность его раздумий состоит во включенности этого возраста жизни в контекст эпохи и в разделении проблем старости на вечные и конкретно-исторические. Заслуга Петрарки заключается в соединении христианской идеи Бога с идеей творчества, апофеоз которого достигается в старости. Общий пафос его философии старости заключается в утверждении равнозначности средневековой «смертной памяти» и античной памяти старости, в провозглашении единой памяти, выражающейся в стремлении жить завершённой жизнью в любой ее временной точке. Но идея завершённой жизни у Петрарки – отнюдь не готовность к смерти, а наоборот, утверждение продуктивной жизни до глубокой старости.

Одно из определений старости – это антитеза телесной и душевной старости: «...старость – болезнь тела, здоровье души»². В этом ключе Петрарка дает второе определение старости, относящееся к душе: преддверие смерти независимо от возраста есть старость. В предчувствии смерти не только тело, но и душа человека преобразуется, становясь возвышеннее, иногда обретая пророческий дар. У Петрарки имеется понимание старости и как духовной зрелости.

Физическая старость сознается субъективно и не только по внешним признакам. Констатация спада или душевного расслабления есть первая постановка проблемы способа его преодоления. Интенция физической старости – критерий границы блага переходящего и блага истинного. Петрарка отличает внешние достоинства, какими, например, являются телесная красота и сила, от благ внутренних, духовных, действительно заслуживающих неустанной заботы. Намного сложнее для него оказалось ценностное предпочтение в самой духовной жизни. Юность и молодость ориентированы на внешнюю красоту, поэтому молодые убавляют свои годы. Старость ориентирована на достижения, так что старики склонны прибавлять себе годы. В обоих случаях причина

одна – тщеславие. Но существует форма достижений, которой трудно дать однозначную оценку, – это слава. Славу можно понимать и в смысле словесных толков, распространяемых устами многих³, и как авторитет.

Слава – новый пласт в философии старости, открытый Петраркой. Обращение к проблеме славы и первый способ ее решения содержатся в его книге «Моя тайна, или Книга бесед о презрении к миру». Здесь сталкиваются христианская и возрожденческая позиции, которые являют собой противоречие внутренней борьбы Петрарки. Он обвиняет себя в чрезмерной жажде людской славы и бессмертия своего имени и признает, что ничего не может с собой поделаться. Петрарка в духе своей эпохи заявляет: он не мечтает стать Богом, стяжать бессмертие и охватить небо и землю – ему довольно людской славы. С точки зрения христианства, если человек не жаждет бессмертия, он просто жалок. Петрарка пытается разрешить эту дилемму: «...порядок таков, чтобы смертные, прежде всего, заботились о смертных вещах и чтобы вечное следовало за преходящим, ибо переход от последнего к первому вполне последователен, тогда как от вечного к преходящему вовсе нет перехода»⁴. Человек эпохи Возрождения сам вбирает вечность и славу, этим рассекается связь мира Божьего и мира человеческого.

Окончательное отношение к славе Петрарка выразил, достигнув духовной старости. В «Письме к потомкам», по его признанию, он приобрел то, чего жаждал в юности: величайшие венценосцы, соревнуясь друг с другом, любили и чтити его. Но в глазах старого Петрарки людская слава оказалась суетной, да и сам он в молодые годы, по его собственной оценке, был еще недостойн таких почестей. В «Старческих письмах» он говорит, что «лавры те <...> достались мне, когда я не созрел ни возрастом, ни умом, и были сплетены из незрелых ветвей; будь я тогда старше душой, не тянулся бы к ним. Поистине как старики любят полезное, так молодые – блестящее, не задумываясь о цели»⁵.

И слава, и авторитет оказались внешними факторами. Петрарка писал: «Не надо уж мне здесь ни поэтов, ни философов; сам я се-

бе свидетель, сам подручный авторитет»⁶. Авторитет не может быть спасительным средством и утешением в старости, поскольку внешние проявления жизни меркнут перед тайной приближающейся смерти. На земле существует один критерий – собственный внутренний суд, предвещающий суд Божий. Смирение Петрарки – не преклонение перед законом смерти в старости, а духовная зрелость как осознание, что сколь бы гениальным ни был человек, он в мире не самодостаточен.

Петрарка впервые сделал акцент на противоречии между интеллектом как инструментом и духовностью человека. Старость – время обнажения смысла всех человеческих целей. Он заявляет, что «старость достойна уважения, если ее есть за что уважать»⁷, а стариков, которые состарились в пороках, называет глупыми и сумасбродными. В трудах Петрарки открывается тема ответственности стариков за сохранность и целостность национальной культуры. Он обращается к примеру предков, живших жизнью своей культуры и одновременно делавших своим достоянием то, что было для них органично: культуру соседей, чужеземцев, их обычаи, военное искусство, ремесло, науку и т.д. Учиться всему благородному не значит подражать, отчуждаться от своей культуры.

Заинтересованное восприятие жизни в старческом возрасте порождает либо естественную жажду жизни, либо ее неприятие: все решается в конкретно-исторических условиях, и знай Петрарка, что возможно мнение, что все старики уже живут только ради того, чтобы жить, он с этим мнением был бы, безусловно, не согласен⁸. Жизнь по инерции исключает предъявление требований высшего порядка. Содержательная жизнь с возрастом их ужесточает. Петрарка утверждает, что старики могут и должны заниматься творчеством. И уж если говорить о привычках в старости, то привычка к творческой работе самая похвальная. Здесь несостоятельны попытки назиданий о том, что старый человек должен оставить прежние занятия и думать о спасении своей души.

В «Старческих письмах» Петрарка возвращается к проблеме творчества и спасения

души. Он пытается доказать, что творчество и строгий образ жизни не противоречат друг другу, будучи единой добродетелью. Он приводит множество примеров античных мыслителей и христианских подвижников, которые до девяноста лет и более обладали огромной творческой энергией, служащей им лекарством от физических недугов. Поэт отмечает, что старики, десятилетиями занимающиеся в различных сферах духовной деятельности, и в глубокой старости сохраняют способность к самообучению. Эту способность он приписывает исключительно силе благородного духа.

Старость – время последних раздумий. Петрарка советует каждому хотя бы в старости подумать наедине с собой о призвании, определенном ему природой и судьбой, о том, где от этого призвания он начал отходить. Пусть каждый поищет спасения «в надежде, что не все природные задатки успел растерять»⁹.

Старость как отягощенность материей эстетически отталкивающая, но она онтологически необходима для всего живого, ее не следует стыдиться, но ее не надо вызволять из уединенности. Удел старости – духовное укрепление и познание Бога в своих внутренних глубинах.

Попытка философско-поэтического постижения старости содержится у выдающегося скульптора и художника эпохи Возрождения Микеланджело Буонарроти. В письме флорентийскому другу он писал, что многие считают, будто он выжил из ума, впал в детство, раз сочиняет сонеты. И чтобы не разубеждать никого в этом мнении, он продолжает писать стихи. Можно было бы допустить, что увлечение стихами свидетельствует о необычайной свежести восприятия жизни самим Микеланджело. Можно было бы, если бы не тема – всю его лирику пронизывает тема старости и одиночества.

Индивидуализм эпохи Возрождения в жизни Микеланджело выражается одним понятием: самоотверженность. Художник не хотел да, видимо, и не мог из-за многогранности и силы своих дарований однозначно вписаться в контекст социальных, семейных и прочих уз.

В искусстве не достичь заветной цели,
Коль высший смысл земного бытия
Умом пытливым мы не одолели¹⁰.

Эти строки Микеланджело – его творческое кредо. Для постижения высшего смысла бытия хороши все дарованные человеку Богом средства одухотворенности. Осмысленное одухотворение – вот в чем он видел задачу художника.

Ужель прекрасным будучи пленен,
Не прославляю добрые деянья
И человека – высшее созданье,
К кому я помыслами устремлен¹¹.

Микеланджело видит микрокосмичность человека, которая обнажает, сталкивает, гасит и вновь обнажает противоречия верха и низа, молодости и старости, смерти и бессмертия. Человек и сущее вращаются в этом круге, будоража мысль художника восторгом и мукой. Единичные вещи приходят и уходят, самотождественной и неизменной остается лишь порождающая и уничтожающая их субстанция. Будучи основой космоса, она должна быть максимально осязаемой в человеке. И Микеланджело знает ее: основа жизни – огонь.

Я счастлив, душу породнив с огнем.
Он негасим во мне и жжет так сладко,
Хоть близится к закату жизнь моя¹².
Хоть удали былой нет у меня,
Я уповаю только на горенье,
Душой и телом презирая тленья¹³.
Чем пуще пламя, тем отрадней мне¹⁴.

Образ старости предстает у Микеланджело парадоксальным, с точки зрения формы и содержания. Он пишет, что «лишь с красотою дружен гений мой», и в то же время дает столь эстетически непривлекательное изображение старости, что сказанное заставляет усомниться в предыдущих словах. Но именно в этом и обнаруживается разгадка обращения художника к теме старости в избранной им форме. Для Микеланджело поэтическое слово о старости – это способ очищения, освобождения, отрешения от ее немощи и тленности.

Именно реалистическое, граничащее с хрестоматийной точностью, медико-биологическое описание наиболее соответствует цели поэта.

О, если б с Фениксом мне породниться,
Я б устремился к солнцу в небеса
И сжег бы старческие телеса,
Заставив жизнь назад листать страницы¹⁵.

Когда устраняется внешняя форма старости, обнажается истина ее содержания.

Глупец лишь утверждает,
Что старость отжила свой век и вздорна.
Да разве знаться с мудростью зазорно?
Коль разуму покорна,
Душа стремится к истине всегда,
Соразмеря силы и года¹⁶.

Оптимизм и пессимизм по очереди сменяют друг друга. У Микеланджело нет полумера, как не может быть полувдохновения или полублагодати. Несовместимость противоречий в творчестве Микеланджело – это путь к поиску определенности. Он как бы пытается услышать сердцем весть запредельного мира: будет ли ему за труды прощение, облечется ли дух бессмертием?

Микеланджело ищет надежду на бессмертие и в памяти людской:

Будь в воске, глине или камне тело,
Ему не угрожает увяданье.
А памяти, обретшей очертанья,
Дано к потомкам обращаться смело¹⁷.

Он стремится обрести бессмертие перенесением силы человеческого духа во внутреннюю сущность своих произведений.

Есть доля правды, что любой ваятель,
В суровом камне образ высекая,
Творит, не замечая,
Как схоже с ним само же изваянье¹⁸.
Коль в изваяньи жизнь забьет ключом,
Бессмертны станут мастер и творенье¹⁹.

Но и в проблеме бессмертия художник попадает в крайности. Поскольку надежда и вера во спасение еще не есть знание, Микеланджело последовательно отрицает то, что прежде утверждал. Теперь он мыслит иначе: между творцом и творением существует онтологический разрыв, они рождены божественным вдохновеньем и восходят к вечности, тогда как мастер живет в опустошающем его времени, оставаясь в одиночестве и непричастности к своим творениям.

То раб закованный, то господин,
На дыбу жизни поднят я судьбою,
А изваянья, созданные мною,
Шагнули в вечность. Я, как перст, один²⁰.

Одиночество, оставленность приводят Микеланджело к чувству, граничащему с отчаянием, к осознанию бессмысленности творчества вообще.

Добавлю, чтоб портрет полнее был:
Напрасно занимался я стихами.
Зачем болванов каменных плодил,
Тягался со стихией и ветрами,
Стремясь в неведомое никуда?
Вот и сижу с разбитыми мечтами,
Служение искусству – ерунда.
Век спину гнуть, о тягостное бремя!
Брюзжанье вкупе с немощью – беда,
И ноги протянуть приспело время²¹.

Приведенные строки – не сиюминутная слабость, но осознание конца жизни, когда кажется, что все созданное им как бы восстает против него в своей бытийности, а он сам отходит за грань неведомой черты. Это «человеческое, слишком человеческое», как сказал бы Ф. Ницше, осознание того, что горение художника есть всего лишь отраженный свет и потому «седой зиме не обернуться летом».

Поздняя старость – трагедия последней и вечной творческой паузы, конец земного назначения личности.

Но постарел и выдохся мой гений,
И мне давно пора бы на покой –
От долгих ожиданий гложет рвенье²².
Да будет за труды мне снисхожденье,
Чтоб со спокойной умереть душой²³.

Резюмируя сказанное, сформулируем ряд выводов. Во-первых, старость не является качественно однородным состоянием человека. В ней можно выделить, по крайней мере, три этапа: начало старости, средне-старческий период и глубокую старость. Эти этапы невозможно приурочить к какому-либо возрасту стареющего человека. О различных этапах старения пишут и современные авторы²⁴. Во-вторых, если биологическая картина процессов старения, согласно современной геронтологии, имеет в старости монотонный характер, то духовная жизнь личности может длительное время быть весьма активной и плодотворной. В-третьих, влияние социальной среды на старение и здоровье человека весьма существенно, но не следует забывать, что и в старости та или иная социальная среда бывает предметом

выбора самого человека. В-четвертых, чем выше уровень творческих способностей человека, тем менее наблюдается в его старости типичного и более – индивидуально-личностного, пронизанного духом его эпохи.

Обращение к опыту гуманистического осмысления старости, в частности, рассмотрение взглядов Петрарки и Микеланджело как наиболее ярких представителей эпохи Возрождения дает основание утверждать, что здесь складывается новое понимание старости, отражающее эволюцию этой проблемы. Особенностью данного понимания оказывается соединение идеи античности – идеи одушевленного тела – и идеи Средневековья, представленной через принцип личности. Они, на первый взгляд, несовместимы: античность говорит об имманентном, внутри-космическом бытии человека, тогда как Средневековье уводит человека в трансцендентную, «закосмическую» сферу. Средством соединения имманентного и трансцендентного в эпоху Возрождения становится творчество. Человек – это творец, но творит он в здешнем мире. Тем самым синтез имманентного и трансцендентного осуществляется на фундаменте имманентного, на земной основе. В этих условиях становится понятным и то, что стремление в запредельную космосу сферу уравнивается бытием в здешнем мире, отягощенном материей. И, отдавая свою энергию творчеству, человек, в конце концов, находит мирское успокоение, вписавшись в здешнее бытие. А сама старость начинает интерпретироваться как достижение личной заслуги перед Богом и людьми. Эта заслуга «заработана» творческой деятельностью, понимаемой весьма широко. Потому образ старости обретает в эпоху Возрождения новые черты, дающие основание отнести ее к духовно-эстетическому типу, которого не знали ни античность, ни Средневековье. Однако надо сразу подчеркнуть, что этот тип старости окончательно так и не сложился. Неслучайно Микеланджело колебался в изображении старости между ее неприглядной формой и возвышенным со-

держанием. Духовно-эстетический тип старости в последующие эпохи как самостоятельный тип востребован не был. Эпоха Нового времени, опираясь на формирующиеся в эпоху Возрождения элементы рационалистического мировосприятия, усилила их и поставила возраст старости перед серьезным испытанием со стороны разума.

Примечания

¹ Гарэн Э. Исследования о Леоне Баттиста Альберти // Гарэн Э. Проблемы итальянского Возрождения. М., 1986. С.180.

² Петрарка Ф. Старческие письма // Петрарка Ф. Канцоньере. Моя тайна, или Книга бесед о презрении к миру. Книга писем о делах повседневных. Старческие письма. М., 1999. С.660.

³ Петрарка Ф. Моя тайна, или Книга бесед о презрении к миру // Там же. С.385.

⁴ Петрарка Ф. Указ. соч. С.391.

⁵ Там же. С.666.

⁶ Петрарка Ф. Книга писем о делах повседневных // Там же. С.600.

⁷ Там же. С. 242.

⁸ См.: Антонович М.А. Единство физического и нравственного космоса // Русская философия второй половины XIX в.: Хрестоматия / Сост. Б.В. Емельянов. Свердловск, 1991. Ч.1. С.135–136; Мечников И.И. Пессимизм и оптимизм. М., 1989. С.230.

⁹ Петрарка Ф. Сочинения философские и полемические. М., 1998. С.86.

¹⁰ Микеланджело Буонарроти. Лирика. Л., 1987. С.23.

¹¹ Микеланджело Буонарроти. Указ. соч. С. 128.

¹² Там же. С.16.

¹³ Там же. С.75.

¹⁴ Там же. С.108.

¹⁵ Там же. С.109.

¹⁶ Там же. С.103.

¹⁷ Там же. С.25.

¹⁸ Там же. С.28.

¹⁹ Там же. С.30.

²⁰ Там же. С.20.

²¹ Там же. С.142–143.

²² Там же. С.144.

²³ Там же. С.146.

²⁴ Крайг Г. Психология развития. СПб., 2000; Слободчиков В.И., Исаев Е.И. Основы психологической антропологии. Психология развития человека: Развитие субъективной реальности в онтогенезе: Учеб. пособие для вузов. М., 2000; Эшштейн М. К философии возраста. Фрактальность жизни и периодическая таблица возрастов // Звезда. 2006. №4.